



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
Маскарад



МОСКВА

Терри Пратчетт – известный во всем мире создатель серии романов о Плоском мире, первый из которых, «Цвет волшебства», издан в 1983 году.

«Плоский мир» – это непрерывная история мира, чем-то похожего на наш, за исключением того, что располагается он на плоском диске, покоящемся на спинах четырех слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи, плывущей сквозь космос. Помимо обычных людей, Плоский мир населен волшебниками, гномами, стражниками, ворами, попрошайками, вампирами и ведьмами.

История Плоского мира состоит из множества отдельных книг, которые можно читать в любом порядке. Однако чтение их в определенной последовательности может доставить особое удовольствие за счет знакомства со всеми мельчайшими деталями, украшающими эту блестяще выстроенную вселенную.

Серия «Магия Терри Пратчетта
в иллюстрациях Полины Граф»
(под редакцией Евгении Сафоновой)



Благие знамения

**РОМАНЫ ИЗ ЦИКЛА
«ПЛОСКИЙ МИР»:**

Держи марку!

Делай деньги!

Поддай пару!

Правда

Пехотная баллада

Мор, ученик Смерти

Мрачный Жнец

Роковая музыка

Санта-Хрякус

Творцы заклинаний

Вещие сестрички

Ведьмы за границей

Дамы и Господа

Маскарад



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
Маскарад



МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
MASKERADE

MASKERADE Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1995
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Перевод с английского *Светланы Увбарх*

Иллюстрации на переплете и в тексте *Полины Граф*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Пратчетт, Терри.

П70 Маскарад / Терри Пратчетт ; [перевод с английского С. Увбарх]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-216093-6

В анк-морпоркской Опере живёт Призрак. Он прячет лицо под маской и заманивает в свои сети невинных дев, взращивая из них лучших певиц на свете. Владельцы Оперы нисколько против этого не возражали... пока Призрак не начал убивать людей.

Эти убийства грозят испортить оперный дебют юной Пердиты (урождённой Агнессе): несостоявшейся ведьмы, которая бежала из горной деревушки в большой город. Впрочем, даже возможность встретить Призрака прельщает её больше, чем перспектива присоединиться к ведьминскому ковену в лице нянюшки Ягг и матушки Ветровоск.

Вот только у матушки на этот счёт другое мнение. И никакие призраки не остановят её от того, чтобы вернуть заблудшую ведьму домой, а заодно покорить Анк-Морпорк!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-216093-6

© С. Увбарх, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Я приношу свою искреннюю
благодарность людям,
которые продемонстрировали мне,
что опера — вещь гораздо более странная,
чем мне казалось прежде.
Пожалуй, самой лучшей благодарностью
будет, если я вовсе не стану
упоминать здесь их имена.*



Ветер завывал. Горы раскалывались под напором бури. Молния беспорядочно тыкала в утесы, словно старческий палец, выковыривающий из вставной челюсти смородиновое зернышко.

В шумно колыхающихся на ветру зарослях дрока вспыхнул неверный под порывами ветра огонек.

— Когда мы вновь увидимся... вдвоем? — возопил чудной, жутковатый голосок.

Над землей в очередной раз прокатился раскат грома.

— И зачем было орать? — ответил другой голос, наделенный гораздо более привычными уху модуляциями. — Из-за тебя я уронила тост в костер.

Нянюшка Ягг уселась обратно на свое место.

— Прости, Эсме. Я, это... как бы объяснить... уважение к прежним временам, традиции... Но согласна, звучит не ахти, как-то неправильно.

— А я только его поджарила как надо, только он стал таким золотистым...

— Ну прости.

— ...И тут ты орать.

— Извини.



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Я к тому, я ведь не глухая. Что мешало спросить нормально? И я бы ответила, что, мол, в следующую среду и увидимся.

— Прости.

— Отрежь мне еще кусочек.

Кивнув, нянюшка Ягг обернулась.

— Маграт, отрежь-ка матушке Ветровоск еще... О, это я по привычке, все забываю. Ну да ничего, сама отрежу.

— Ха! — откликнулась матушка Ветровоск, не сводя глаз с пылающего огня.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме завывания ветра и странных звуков: нянюшка Ягг резала хлеб. По своей результативности это ее действие могло соперничать разве что с попытками распилить циркулярной пилой пуховую перину.

— Я надеялась, если мы сюда придем, тебя это немножко взбодрит... — через некоторое время произнесла нянюшка.

— Да ну. — Это был не вопрос.

— Вроде как поможет развеяться, — продолжала нянюшка, внимательно следя за выражением лица подруги.

— М-м? — Матушка все так же хмуро таращилась в костер.

«Ой-ей, — подумала нянюшка. — А вот этого говорить не следовало...»

Дело в том, что... в общем, дело в том, что нянюшка Ягг была встревожена. Очень встревожена. Ей казалось... всего-навсего *казалось*, но и это уже знак... что ее подруга... даже подумать страш-



МАСКАРАД

но... что она в некотором роде начала... не к ночи будет помянуто... одним словом, начала чернеть...

Такое порой случается — с самыми могущественными ведьмами. А матушка Ветровоск была чертовски могущественной ведьмой. Сейчас она, наверное, еще сильнее, чем была в свое время Черная Алиса. Эта самая Алиса стяжала себе очень дурную славу, а что с ней случилось в конце, все знают: пара ребятишек затолкала Черную Алису в ее же собственную печь. Все тогда так радовались этому, так радовались... Хотя печь потом неделю было не отчистить.

Но Алиса до самого своего последнего дня, вплоть до самой своей страшной кончины, терроризировала Овцепики. Она настолько преуспела в ведьмовстве, что только о нем одном и думала.

Говорят, никакое оружие ее не брало. Мечи отскакивали от ее кожи. А еще говорят, будто бы от ее безумного хохота волосы вставали дыбом у всей округи. Разумеется, в некоторых обстоятельствах без такого хохота, именно безумного — обязательной части ведьмовского профессионального инвентаря, — не обойтись. Однако ее хохот был *абсолютно чокнутым*, самым что ни на есть наихудшим. Кроме того, Черная Алиса превращала людей в пряники, а дом у нее был из лягушек. И чем дальше, тем больше — ближе к концу стало совсем гадко. Так всегда бывает, когда добрая ведьма превращается в злую.

Конечно, добрые ведьмы не всегда превращаются в злых. Иногда они просто... куда-то уходят.



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Интеллект матушки жаждал *действия*. И матушка боролась со скукой изо всех сил. Обычно она ложилась у себя в хижине и, вселившись в какую-нибудь лесную зверушку, слушала ее ушами, смотрела ее глазами. В этом нет ничего плохого — наоборот, это очень даже познавательно. Но слишком уж она в этом преуспела. В другом существе матушка могла пребывать очень долго, дольше, чем кто-либо другой из тех, кого знала нянюшка Ягг.

Когда-нибудь она не вернется из своих странствий, в этом можно было не сомневаться... Просто не захочет. Как раз сейчас самое опасное время года: дикие гуси каждую ночь перечеркивают небо, сопровождая свой полет зазывным курлыканьем, а холодный осенний воздух так свеж и сладок... Есть в этом какой-то страшный соблазн.

Нянюшка Ягг, кажется, догадывалась, в чем крылась проблема.

Она кашлянула.

— На днях видела Маграт, — рискнула сообщить она, искоса посмотрев на матушку.

Никакой реакции.

— Выглядит прекрасно. Королевствование пошло ей на пользу.

— Гм-м?

Нянюшка испустила внутренний стон. Матушка даже не удосужилась съязвить — значит, ей и *вправду* не хватает Маграт.

Поначалу нянюшка Ягг отказывалась в это верить, но Маграт Чесногк, хоть и ходила большую



МАСКАРАД

часть суток сырая, как губка, в одном была абсолютно права.

Тройка — самое естественное число для ведьм.

А их стало меньше. Одну свою товарку они потеряли. Ну не совсем потеряли. Маграт теперь в королевах, а королева не такая вещь, которую можно по ошибке затолкать не на ту полку, забыть и потерять. Но... все равно из трех осталось только двое.

Когда есть трое, стоит подняться шуму-гвалту, как третий быстренько примиряет поссорившиеся стороны. У Маграт это очень хорошо получалось. Без Маграт нянюшка Ягг и матушка Ветровоск действовали друг другу на нервы. Тогда как с ней тройца действовала на нервы всем остальным обитателям Плоского мира, а ведь это гораздо веселее.

И похоже, Маграт не собирается возвращаться... по крайней мере, Маграт *пока* не собирается возвращаться.

Да, тройка — отличное число, самое то для ведьм, но помимо всего тройка должна быть *правильной*. В смысле, три ведьмы должны быть *совместимы*.

С некоторым удивлением нянюшка Ягг вдруг поняла, что ей как-то неловко даже думать об этом. Хотя в обычных обстоятельствах смущение было так же свойственно нянюшке, как кошкам — альтруизм.

Будучи ведьмой, она не верила ни в какие оккультные бредни. Но там, на самом дне души, скрывалась пара-другая истин, и спорить с этими истинами было очень трудно. Особенно с исти-



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ной, касающейся, так сказать, девы, матери... ну и этой, третьей.

Вот оно. Она наконец облекла правду в слова.

Разумеется, все это не более чем древние пред-
рассудки. В такое верили только темные, непро-
свещенные люди; раньше словами «дева», «мать»
или... ну этим, оставшимся словом... описывали
каждую женщину старше двадцати и на протяже-
нии всей ее жизни, за исключением, быть может,
определенных девяти месяцев. Тогда как сейчас
любая девушка, умеющая считать и обладающая
достаточным благоразумием, чтобы прислушать-
ся к совету нянюшки, могла на вполне приличное
время отложить свой переход во вторую стадию.

И все равно... суеверие это *очень старое*, старше
книг, старше письменности. Подобные предрас-
судки тяжким бременем ложатся на тонкую рези-
новую ткань человеческого существования и тя-
нут за собой людей.

Кроме того, Маграт уже три месяца как заму-
жем. Это означает, что к первой категории она
больше не принадлежит. По крайней мере, — по-
езд мыслей нянюшки слегка дернуло, и он сошел
на боковую ветку, — *скорее всего*, не принадлежит.
Нет, даже *навверняка* не принадлежит. Молодой
Веренс выписал себе самое современное посо-
бие. С картинками, и каждая стадия обозначена
номерочком. Нянюшка знала об этом, потому
что однажды, во время очередного визита веж-
ливости, проскользнула в опочивальню и провела
очень поучительные девять минут, пририсовывая



МАСКАРАД

к картинкам в книжке усы и очки. Не может быть, чтобы у Маграт и Веренса что-то не получилось... Они все преодолели и справились — хотя до нянюшки доходили слухи, что совсем недавно Веренс осторожно наводил справки, нельзя ли где прикупить пару фальшивых усов. В общем, пройдет совсем немного времени, и Маграт с полным правом будет причислена ко второй категории: все-таки картинки в книжке — великое дело.

Разумеется, матушка Ветровоск очень величественно изображает независимость. Из нее так прямо и прет, что никтошеньки ей для счастья не нужен. Однако тут есть одна загвоздка: своей независимостью и самодостаточностью надо кичиться *перед кем-то*. Люди, которые ни в ком не нуждаются, нуждаются в том, чтобы люди вокруг видели, что они абсолютно ни в ком не нуждаются.

Это как с отшельниками. Чтобы пообщаться с Вечностью, вовсе не обязательно лезть на высокую гору и морозить там свое хозяйство. Нет, тут все дело во впечатлительных дамочках, которых периодически приводят к вам на экскурсию, чтобы они нарушали ваше гордое уединение своими восторженными ахами-охами.

...Нужно опять стать троицей. Когда трое собираются вместе, жизнь начинает бить ключом. Да, случались ссоры и приключения, и было на что матушке позлиться, но ведь ей лишь в удовольствие, позлиться-то. По сути дела, подумала нянюшка, матушка Ветровоск только тогда и бывает самой собой, когда злится.



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Да. Надо опять стать троицей.

Иначе... взмахнут в ночи серые крылья или
лязгнет заслонка печи...



Рукопись всячески сопротивлялась прочтению,
так и норовя рассыпаться.

Собственно говоря, это была и не рукопись во-
все, а собрание старых мешочков из-под сахара,
конвертов, салфеток и клочков древних отрыв-
ных календарей.

Издав недовольное мычание, господин Козлин-
гер сгреб в охапку заплесневелые записки и со-
брался было бросить их в камин.

Но тут взгляд его привлекло некое слово.

Он прочел, и взгляд потянулся дальше, пока не
достиг конца предложения.

Потом господин Козлингер дочитал страницу,
при этом несколько раз возвращаясь к уже про-
читанному. Ему даже не верилось, что он читает
то, что читает.

Он перевернул страницу. А потом опять вер-
нулся к предыдущей. И так он читал все дальше
и дальше. В какой-то момент господин Козлингер
вытащил из ящика письменного стола линейку
и окинул ее задумчивым взглядом.

Затем открыл буфет, где содержались те напит-
ки, что покрепче. Бутылка, сжимаемая неуверен-
ной рукой, весело зазвенела о край бокала.